

Цао Е обнял Лян Сычжэ, его горячее дыхание обжигало кожу за ухом. Вокруг царил тишина, нарушаемая лишь их тяжелым дыханием. Раньше Цао Е ненавидел любые жидкости на своем теле: слюну, пот, сперму. Он избегал поцелуев и всегда сразу после секса шел в душ. Но сейчас, когда их потные тела были так тесно переплетены, ему хотелось только обнимать и целовать Лян Сычжэ. Он покусывал мочку его уха, облизывал его влажное от пота плечо, и на несколько секунд в его голове промелькнула мысль: «Лян Сычжэ мой».

Через некоторое время Лян Сычжэ пошевелился под ним. Цао Е оперся на кровать и немного приподнялся, глядя на него:

— Я, наверное, тяжелый...

— Хочешь, попробуем наоборот? — Лян Сычжэ приоткрыл глаза и посмотрел на него искоса.

Его взгляд был ленивым и немного насмешливым. Цао Е смотрел на него, думая, что в этот момент Лян Сычжэ был невероятно красив и соблазнителен, гораздо прекраснее, чем в любом кадре фильма. Его сердце ёкнуло:

— Лян Сычжэ, ну как тебе?

Даже не глядя на него, Лян Сычжэ чувствовал выжидающий взгляд Цао Е, словно тот был ребёнком, ждущим похвалы. Этот взгляд заставил его поддразнить Цао Е еще немного.

— Неплохо, — сказал он после недолгих раздумий.

— Всего лишь неплохо?! — Цао Е, как и ожидалось, тут же вскипел.

Лян Сычжэ открыл глаза и, глядя на него с улыбкой, произнес:

— Я думал, что ты опытный, и твои навыки должны быть гораздо лучше, чем сейчас.

— Я... — Цао Е на секунду потерял дар речи, а затем возразил: — Я просто боялся сделать тебе больно, поэтому был осторожен.

Сказав это, он уткнулся головой в плечо Лян Сычжэ и замолчал. Лян Сычжэ, видя, что он говорит серьёзно, не смог сдержать смех. Он хотел успокоить его, но Цао Е вдруг поднял голову и с горящими глазами предложил:

— Тогда давай еще раз? Я покажу тебе на что действительно способен.

— Отвали, — рассмеялся Лян Сычжэ. — Мы договаривались по очереди, не жульничай.

Цао Е слез с Лян Сычжэ. Его тело было влажным от пота, но ему совсем не хотелось идти в душ. Он хотел просто лежать рядом с Лян Сычжэ, смотреть на него и разговаривать с ним. Вот каково это было — быть с любимым человеком. Это было не просто удовлетворение желания, но еще и двойное чувство обладания, как физического, так и эмоционального. Это чувство дарило ему ощущение безопасности, комфорта и блаженства. Он лежал на боку, не отрывая взгляда от Лян Сычжэ. Затем он убрал с его лица влажные от пота волосы и нежно поцеловал его в лоб, переносицу, кончик носа и подбородок.

Когда человек влюблён, это видно по его глазам и жестам. Лян Сычжэ чувствовал, что Цао Е очень сильно его любит. Его взгляд был темным и сосредоточенным, а движения — осторожными, словно он боялся повредить драгоценную вещь.

— Ты что, так со всеми девушками обходишься, Цао Е? — хрипло спросил Лян Сычжэ.

— Конечно, нет, — Цао Е на секунду замер, а затем понял, что Лян Сычжэ был таким же как он. Несмотря на свою внешнее спокойствие, он тоже испытывал неуверенность. Он подумал и сказал: — На самом деле, раньше меня такое раздражало...

— Ммм? — Лян Сычжэ посмотрел на него. — Что именно?

— Ну, вот эта вся нежность... раздражала.

— О, — Лян Сычжэ улыбнулся. — А со мной?

— С тобой... — Цао Е вздохнул и с самоиронией произнес: — Почему я раньше не замечал за собой такой чрезмерной нежности?

Лян Сычжэ рассмеялся.

— Давай не будем говорить только обо мне, — сказал Цао Е, глядя на него. — Лян Сычжэ, а когда ты начал испытывать ко мне чувства?

Лян Сычжэ задумался:

— Наверное, с периода «Лазурной вечеринки».

— Так давно? — Цао Е был немного удивлён. — Но ты же говорил, что тогда в ванной, когда ты... ну, ты понимаешь... ты не думал обо мне?

— Да, тогда ещё нет. Чуть позже.

Ночь была тихой, атмосфера располагающей. Лян Сычжэ никогда никому не рассказывал о своих чувствах. СМИ отправляли к нему самых проникательных журналистов, пытаясь выведать хоть крупицу правды, но все их попытки были тщетны. Он привык говорить полуправду, скрывать свои эмоции в жизни, а затем выплескивать их в ролях. Это был его способ защитить себя. Но сейчас, когда Цао Е спросил, он начал рассказывать ему все по порядку:

— Не было какого-то конкретного момента. Да и тогда я и сам не осознавал, что это влюблённость.

— А когда осознал? — спросил Цао Е. Он понимал, что ненасытен: узнав, что Лян Сычжэ любит его, он хотел знать, как именно тот любит его и с каких пор.

— Когда мы снимали «Тринадцать дней», — медленно начал вспоминать Лян Сычжэ. — В фильме сяо Мань был влюблен в Пэн Янь, а я никак не мог сыграть это чувство. Твой отец спросил меня, был ли я когда-нибудь влюблён. Я сказал, что нет. Он сказал, что актёр не может не быть влюблённым, и позвал сценаристку Чжоу Жу, чтобы она объяснила мне, что это такое. После ее рассказа я подумал: «О, кажется, я немного влюблён в Цао Е».

Лян Сычжэ помнил тот момент, когда эта мысль пришла ему в голову. Он задумался, вспоминая моменты, проведенные с Цао Е. Чжоу Жу спросила, что с ним, он ответил, что ничего, а потом подумал, что это абсурд: как он может быть влюблён в мужчину? Но он никогда никого не любил, и его чувства к Цао Е были наиболее близки к тому, что описывала Чжоу Жу. Он усилил эти эмоции, перенес их в фильм, превратив в зарождающиеся чувства сяо Маня к Пэн Янь. Так он смог вжиться в роль сяо Маня и войти в образ.

— Потом я попал в этот мир, увидел самых разных людей, и гомосексуальность перестала казаться мне чем-то необычным. Постепенно я принял это... то, что я действительно люблю тебя.

Цао Е чувствовал, что слушать Лян Сычжэ было для него как наркотик, особенно сейчас, когда тот рассказывал о том, как любил его все эти годы. Услышав часть истории, он хотел узнать больше:

— А ты представлял, как мы будем вместе?

У него не было особой уверенности в себе. Он боялся не соответствовать ожиданиям Лян Сычжэ, разочаровать его. Но Лян Сычжэ ответил:

— Нет.

— Как это нет? — не поверил Цао Е.

— Действительно нет.

Видя недоверие на лице Цао Е, Лян Сычжэ улыбнулся:

— Ты правда хочешь это услышать? Боюсь, ты испугаешься.

— Не может быть. Я не такой уж ранимый.

— Ладно, — сказал Лян Сычжэ. — Тогда ты не против, если я выкурю еще сигарету?

— Ты же бросал?

— В этом больше нет смысла, — Лян Сычжэ поцеловал его.

— Я заметил, ты обычно не куришь, но если начинаешь, то не можешь остановиться, — сказал Цао Е, но все же потянулся за пачкой, достал сигарету, прикурил и передал ее Лян Сычжэ. — Давай потом бросим вместе.

— Хорошо, но вряд ли мне ещё захочется, — Лян Сычжэ встал с кровати, открыл окно, взял сигарету и глубоко затянулся. Он поставил пепельницу на тумбочку, вернулся в кровать и продолжил отвечать на вопрос Цао Е. — Почему я не представлял нас вместе?.. После съёмок «Реки Ванчуань» одна мысль о тебе вызвала у меня раздражение, головную боль. Я погружался в свои эмоции, словно в чёрную дыру, которая затягивала меня и не давала выбраться. Это было страшнее, чем вживаться в роль. Стоило мне подумать о тебе, как я не мог что-либо делать. Поэтому я старался избегать любых мыслей о тебе.

Цао Е было неприятно это слышать. В то время ему было тяжело, но он не думал, что Лян Сычжэ тоже страдает из-за него:

— Это из-за того, что я тогда сказал?

— Да, — Лян Сычжэ стряхнул пепел, пытаясь говорить шутливым тоном. — Про двух собак, например... Представляешь, каково мне было возвращаться домой и видеть сяо-сяо Бай после съёмок «Реки Ванчуань»?

Он говорил с самоиронией, но на самом деле тогда ему было гораздо хуже, чем он описывал. Он даже подумывал отдать сяо-сяо Бай, но та была последней связью между ним, Цао Е и Иньсы. После нескольких дней колебаний он всё же не смог расстаться с собакой.

— Я... — Цао Е понимал, что тогда перегнул палку. Он уже извинялся раньше, но извинился еще раз. — Я был неправ. Прости меня, Сычжэ-гэгэ.

Он начал заискивать, и Лян Сычжэ снова не смог сдержать смех.

— Ты не виноват, — сказал он. — Никто не может винить тебя за это.

Стоило упомянуть прошлое, как разговор неизбежно заходил о Цао Сююане и Чжэн Ине. Цао Е замолчал. Лян Сычжэ, видя, что он не хочет говорить об этом, сменил тему:

— Я уже закурил. Задавай свои вопросы быстрее. Это интервью слишком вредно для здоровья, я не готов повторять его дважды.

Серо-белый дым струйкой поднимался от его пальцев. Цао Е вдруг вспомнил, как полчаса назад Лян Сычжэ лежал на кровати, держа в руке сигарету и забыв про нее. У него возник вопрос:

— Тогда я спрашиваю, а ты честно отвечай.

— Что?

— Ты думал обо мне... — Цао Е замолчал на полуслове и коснулся рукой паха Лян Сычжэ.

— Спрашивай, спрашивай, только без рук, пожалуйста. По очереди, помнишь? — Лян Сычжэ засмеялся. — Ты об этом спрашиваешь?..

— Значит, было? — глаза Цао Е загорелись, он с интересом ждал продолжения. — Когда?

— Да, было, — Лян Сычжэ снова затянулся. — Во время съемок «Реки Ванчуань». Этот фильм дался мне очень тяжело, я никогда не испытывал ничего подобного. Возможно, любовная линия в фильме была слишком напряжённой. Господин Цао иногда говорил, что я переигрываю, поэтому многие сцены мы снимали снова и снова. Сцена в мотеле была особенно сложной. Нужно было показать одновременно и страсть, и сдержанность. Поэтому в тот день, с обеда и до самого вечера, мы репетировали эту сцену. В ту ночь мне приснился сон о тебе. Проснувшись, я... ну, ты понимаешь... а потом я не мог перестать думать о тебе.

Голос Лян Сычжэ был низким и спокойным, словно он читал монолог из фильма. Цао Е, замороженный его рассказом, спросил:

— Что это был за сон?

— Хочешь узнать? — Лян Сычжэ докурил, потушил сигарету в пепельнице, перевернулся и навис над Цао Е. — Я расскажу тебе всё подробно, пока мы будем заниматься этим.

— Подожди, подожди, — Цао Е понял, что задумал Лян Сычжэ, и тут же начал искать предлог.
— Тебе завтра сниматься, может, уже поспим?

— Завтра утром у меня нет съёмок, — рука Лян Сычжэ скользнула вниз и обхватила Цао Е, его большой палец начал кружить по головке. — Мы можем лечь попозже.

— Чрезмерное потакание своим слабостям вредно для здоровья...

— Три раза — уже чрезмерность? — Лян Сычжэ поддразнил его. — Ты что, такой слабак в твоём-то возрасте?

— Это ты слабак! — Цао Е снова вспыхнул.

Видя, как Лян Сычжэ берет масло и начинает наносить его на пальцы, он снова решил применить тактику заискивания:

— Сычжэ-гэгэ, давай в другой раз, ладно?

Но Лян Сычжэ был непреклонен. Он потянулся к нему рукой, смазанной маслом, и, наклонившись, поцеловал его:

— В другой раз будет в другой раз, а сегодня — сегодня. Одно другому не мешает.

— Я... — Цао Е попытался отстраниться. — Я ещё не готов...

— А вот это место говорит об обратном, — Лян Сычжэ согнул палец и легонько щелкнул по возбужденному члену Цао Е. — Ты говоришь одно, а имеешь в виду другое.

Цао Е чуть не расплакался. За свои двадцать шесть лет он никогда не думал, что его будет трахать другой мужчина... хотя... он вообще никогда не думал, что будет с другим мужчиной.

— Цао Е, — Лян Сычжэ понизил голос, глядя на него. — Я люблю тебя. Так же, как ты хочешь меня, я тоже хочу тебя. Полностью.

Его голос звучал как заклинание. Цао Е не смог устоять и неохотно согласился:

— Ладно...

— И еще, — Лян Сычжэ поцеловал его мочку уха и прошептал: — Я тебя обманул. На самом деле, быть снизу довольно приятно. Сейчас попробуешь и поймешь.

Он был одновременно нежным и развратным. Схватив Цао Е за талию, он заставил его перевернуться. Его пальцы, покрытые маслом, умело ласкали член Цао Е, а затем, собрав смазку и масло, он начал медленно массировать его отверстие. Цао Е в отчаянии уткнулся лицом в подушку. Его лицо горело. Он не понимал, как Лян Сычжэ так легко согласился на это. Когда он сам был возбужден, ему казалось, что «по очереди» — отличная идея, но теперь, когда очередь дошла до него, его картина мира рушилась.

Пальцы Лян Сычжэ надавили и проникли внутрь. С неприятным ощущением вторжения что-то в голове у Цао Е словно оборвалось. «Всё кончено», — обреченно подумал он.

Эти ощущения были слишком явными. Он чувствовал, как пальцы Лян Сычжэ двигаются внутри него, исследуя и надавливая. «Когда же это закончится?..» — мучился Цао Е. Но тут Лян Сычжэ нажал на какую-то точку, и по телу Цао Е пробежал электрический разряд. Он невольно застонал и вздрогнул. Это ощущение было сильным и странным. Цао Е хотел было выругаться, но Лян Сычжэ снова нажал, и вместо ругательства у него вырвался стон. Поняв, как это прозвучало, он тут же замолчал.

Лян Сычжэ наклонился, взял его за подбородок и попытался повернуть его лицо к себе. Увидев, что одно ухо Цао Е ярко покраснело, а второе осталось нормального цвета, он, прижавшись к его уху, со смехом прошептал:

— Как же я тебя поцелую, если ты так прячешься?

Цао Е повернулся и поцеловал его. Лян Сычжэ снова нажал на его чувствительную точку:

— Ты такой чувствительный, Цао Е.

— Я во время растяжения даже не пикнул! — возмутился Цао Е.

— Ты же сам хотел услышать про мой сон? — видя, что подготовка закончена, Лян Сычжэ вынул пальцы и прижался к Цао Е своим членом. Он взял руку Цао Е и положил ее на себя, тихо спрашивая у него разрешения: — Цао Е, можно мне войти?

Цао Е попытался убрать руку:

— Если я скажу «нет», ты не войдешь?

Лян Сычжэ терся членом о ягодицы Цао Е:

— Не торопись. Я подожду, пока ты скажешь «да».

Его раскалённый член был мокрым, и вскоре ягодицы Цао Е тоже стали скользкими. Цао Е был

на грани срыва, он хотел, чтобы Лян Сычжэ поскорее вошел и закончил:

— Давай же, Лян Сычжэ!

Лян Сычжэ усмехнулся и начал медленно входить. Учитывая опыт Цао Е, он хорошо подготовил его. Во время проникновения он целовал Цао Е и не переставал ласкать его член, помогая ему расслабиться, поэтому процесс не был слишком болезненным. Он медленно вошел до конца, пока его член полностью не оказался внутри горячих, тесных стенок, и остановился, глядя на Цао Е. Эта сцена была похожа на сон. Он сжал талию Цао Е и слегка пошевелился. Цао Е глубоко вздохнул и нахмурился, словно был готов взорваться, но сдержался. «Это не сон», — подумал Лян Сычжэ, глядя на профиль Цао Е. Во сне тот был гораздо послушнее, но не таким живым и ярким.

— Ты же хотел услышать про мой сон? — Лян Сычжэ полностью вышел из Цао Е и снова медленно вошел. Он чувствовал, как складки внутренних стенок трутся о его член, и низким голосом начал рассказывать прямо на ухо Цао Е. — Я представлял, как вхожу в тебя, пронзаю тебя... — Оставался последний сантиметр, он толкнулся бедрами и вошел до упора. С удовлетворением услышав стон Цао Е, он замер, ощущая жар внутри него, и продолжил. — У тебя так горячо внутри. Ты сжимаешься, обхватываешь меня, как сейчас...

— Замолчи, — Цао Е, стиснув зубы, прервал его.

— Ты сам просил меня рассказать, — Лян Сычжэ снова полностью вышел и вошёл в Цао Е. Он старался сдерживаться, пока тело Цао Е полностью не привыкло к нему, и постепенно ускорял темп. Наслаждение от проникновения заставило его голос дрогнуть. Он снова и снова выходил и входил глубоко. — Я представлял, как трахаю тебя снова и снова... Прижимаю тебя... Жестко вхожу в тебя...

— Перестань... — странное, ноющее чувство внутри и возбуждающий голос Лян Сычжэ заставили Цао Е снова застонать.

Лян Сычжэ сжал его талию, ускоряя темп, и продолжил:

— ... как ты умоляешь меня... как тебе хорошо от того, что я делаю...

Он слышал, как Цао Е пытается сдержать стоны, его учащенное дыхание и чувствовал в своей руке горячий, покрытый смазкой член. Он толкался с разной силой, нарочно мучая Цао Е, и с удовольствием наблюдал за изменением его выражения лица:

— ... как тебе больно... как ты не можешь остановиться...

Он полностью вышел, наклонился и поцеловал Цао Е, а затем попросил его перевернуться:

— Цао Е, повернись, пожалуйста. Я хочу видеть тебя.

— Лян Сычжэ, ты такой раздражающий... — Цао Е, измученный болью и наслаждением, соображал с трудом. На его лбу выступил пот. Он в полузабытьи позволил Лян Сычжэ перевернуть себя, но тут же пожалел об этом. Ощущение от проникновения спереди было невыносимо стыдным, особенно от того, что Лян Сычжэ, склонив голову, смотрел на место их соития. Лян Сычжэ смотрел, как его член полностью исчезает в теле Цао Е, и, подняв голову, поцеловал его:

— Ну как?

— Никак, — резко ответил Цао Е.

— Будь умницей, давай продолжим, — сказал Лян Сычжэ, начиная двигаться.

— Замолчи, Лян Сычжэ, — повысил голос Цао Е.

Лян Сычжэ ускорил темп. Внутри Цао Е выделилось много смазки, которая с хлюпающим звуком вытекала наружу при каждом толчке. Он смотрел на лицо Цао Е, быстро двигая бёдрами и попадая по чувствительным точкам:

— ...твои выражения лица... закрытые глаза...

Он наклонился и поцеловал дрожащие ресницы Цао Е, затем брови:

— ...нахмуренные брови...

Хотя Цао Е не хотел этого признавать, но наслаждение внутри него, словно электрические разряды, распространялось по всему телу с каждым толчком Лян Сычжэ. Закрыв глаза, он выругался:

— Блядь...

— ...ругающийся рот, — Лян Сычжэ поцеловал Цао Е, проник языком в его влажный, горячий рот, а затем спустился к кадыку, — ...дрожащий от стонов кадык... и дрожащее тело... — он толкался сильно и глубоко, захлестываемый волнами наслаждения. Его слова звучали отрывисто, — ...всё это из-за меня...

Затем он замолчал на некоторое время, погруженный в невероятное удовольствие, которое дарило ему тело Цао Е. Он сжимал его талию, быстро и сильно толкаясь, а его рука, ласкавшая Цао Е, стала действовать увереннее, находя его самые чувствительные места. В конце концов, Цао Е не мог сдержать стоны, вырывавшиеся из его горла. Невыносимое наслаждение

заставило его сжать пальцы и вцепиться в простыню.

Сильный толчок, и накопившееся наслаждение словно взорвалось внутри него. Цао Е услышал собственный крик, изменившийся до неузнаваемости, и кончил, изливаясь на руку Лян Сычжэ. Горячие, пульсирующие стенки сжимали член Лян Сычжэ. Оргазм был мощным и ярким. Его член пульсировал в тесном пространстве, и он излился. Лян Сычжэ чувствовал, как Цао Е сжимается вокруг него. Он наклонился и поцеловал Цао Е, затем лег на него, погладил его по волосам и, отдышавшись, наконец, смог говорить. Он подвел итог их близости, его голос, заглушенный поцелуем, звучал неразборчиво:

— А потом я кончил в тебя... Всё. Полностью. Без остатка... Всё внутри тебя. Ни капли не осталось.

В этот момент Цао Е почувствовал, как внутри него растекается теплая жидкость. Он мгновенно пришел в себя и хрипло выругался:

— Блядь, Лян Сычжэ, ты без презерватива!

— Ты такой милый, Цао Е, — Лян Сычжэ рассмеялся. — Только сейчас заметил. Ничего страшного, — он погладил Цао Е по волосам. — Заболешь — буду лечить, забеременеешь — возьму ответственность.

Цао Е дернулся и взорвался:

— Это ты забеременеешь!

— Тихо, — Лян Сычжэ погладил его по спине, успокаивая. — Шучу. Не двигайся, Цао Е, дай мне ещё немного полежать вот так.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130316>